

ЕВГЕНИЙ ЛЕДНИКОВ

Онтологическая проблематика в свете аналитической философии

Одной из заслуг аналитической философии в середине прошлого века стало то, что она показала, как можно рассуждения философов об онтологической проблематике облечь в достаточно строгую форму. Увы, отечественные онтологи либо не знают этих достижений аналитической философии, либо их не понимают и потому сознательно игнорируют. Но в наше время философ, рассуждающий об устройстве мира исходя из абстрактных философских принципов выглядит достаточно карикатурно. Неужели подобных «мудрецов» ничему не научила курьезная ситуация, в которую еще в начале XIX столетия угодил Гегель, выводя из своих спекулятивных философских положений заключение о том, что число планет Солнечной системы должно быть равно в точности семи? О каком «бытии» сможет говорить философ, если он не будет ссылаться на достижения физики, космологии, биологии и других специальных наук? Поэтому онтологическая проблематика, если она еще имеет право на существование — не поиски «сущего», «субстанции» и ее «акциденций», а проблематика того, как установить, какую информацию об окружающем мире несут современные теории.

Но прежде, чем говорить о достижениях аналитической философии в области научной постановки вопросов об онтологии, следует оценить попытки вообще вычеркнуть подобные вопросы из сферы философии, предпринятые в неопозитивизме. В 1950-е годы виднейшим представителем логического позитивизма Р. Карнапом была выдвинута оригинальная логико-философская концепция, изложенная им в статье «*Эмпиризм, семантика и онтология*» [1]. Она получила название концепции языковых каркасов. Пионером в обсуждении данной концепции в тогда еще советской философской литературе выступил покойный ныне В. А. Смирнов [2], точку зрения которого попытался поставить под сомнение автор данной статьи [3]. Однако сейчас, по прошествии более чем 30 лет, хотелось бы еще раз вернуться к той давней дискуссии и внести в нее некоторые коррективы.

Напомним суть концепции Р. Карнапа. Он разделил вопросы существования (т.е. онтологические вопросы), которые позволительно обсуждать философам, на два вида. Первый – вопросы о существовании определенных объектов определенного вида в рамках данного языкового каркаса. Эти вопросы тесно связаны с известным критерием В. Куайна «существовать – значит, быть значением квантифицируемой переменной», ориентированным на реконструкцию наличных знаний в формализованном логическом языке с тем, чтобы вычленил их онтологическое содержание¹. Карнап назвал подобные вопросы *внутренними*. Второй – вопросы о существовании или реальности системы объектов в целом (или, что для Р. Карнапа одно и то же, самого языкового каркаса). Эти вопросы Р. Карнап назвал *внешними*. По мнению Р. Карнапа, ответ на вопрос первого вида может быть получен в форме «да – нет» либо логическими, либо эмпирическими методами – в зависимости от того, является языковой каркас логическим или фактическим. (Во втором случае имеются в виду искусственные логические языки, в которых их предложения «доказываются» с помощью внеязыковых, эмпирических факторов.) Ответить на вопрос второго вида, как полагал Р. Карнап, означало бы объяснить, почему был принят данный языковой каркас, а не иной. Ответ должен содержать указания на плодотворность, целесообразность использования данного языкового каркаса. В отличие от первого вопроса, теоретического по своей сути, второй является сугубо прагматическим вопросом о предпочтительности выбранного каркаса в сравнении с другими и является вопросом «о степени» целесообразности принятого решения.

Предположим, что исследователь выбрал для своей работы каркас вещного языка. Это решение означало бы принятие в качестве существующего «мира вещей», т.е. мира упорядоченных в пространстве и во времени объектов, доступных физическому наблюдению. В этом случае вопросы, какие именно вещи существуют в мире вещей (существуют ли единороги? черные лебеди?), оказываются внутренними вопросами вещного языка, ответ на которые получают в процессе эмпирических исследований. В частности, черные лебеди оказываются существующими, а единороги – нет.

¹ Дело в том, что имена не могут служить надежными указателями существующих объектов. Они могут быть пустыми в выбранной предметной области (таковы мифологические Пегас и Антей для физического мира), они могут быть псевдонимами группы людей (вымышленный математик Н. Бурбаки, за именем которого скрывалась группа выдающихся французских математиков). Поэтому вполне уместной выглядит такая перестройка языка, при которой из него устраняются все собственные имена, которые замещаются индивидуальными дескрипциями, а последние контекстуально элиминируются с помощью выражений, содержащих квантифицируемые переменные. В результате последние остаются в языке теории единственным средством указания на существующие объекты.

Аналогично, если выбран каркас языка натуральных чисел, то в качестве существующего принят мир объектов, каждый из которых является натуральным числом. Но какие именно числа и с какими свойствами существуют в этом мире — внутренний вопрос. Скажем, существует ли простое число больше ста — это устанавливается методами логико-математического анализа (ответ положительный). А на вопрос о том, существует ли в числовом интервале от 43 до 48 число, делящееся на семь, тем же путем получают отрицательный ответ.

Р. Карнап в полном соответствии с традициями логического позитивизма отвергал вопросы о реальности (или нереальности) тех или иных объектов как вопросы, лишенные познавательного содержания [1: 311–312]. Согласно Р. Карнапу, для подобных вопросов просто невозможно подобрать подходящую логическую форму. С другой стороны, по мнению Р. Карнапа, внутренние вопросы ни в коей мере нельзя ассоциировать с традиционной онтологической проблематикой. Тем самым для онтологических вопросов в неопозитивизме не находилось места, поскольку вроде бы сама логика требовала изгнания их из философии.

В. А. Смирнов был первым и, кажется, единственным философом советской эпохи, который во времена, когда слово «позитивизм» официально ассоциировалось с враждебной марксизму идеологией, не побоялся заявить о наличии достоинств у концепции Р. Карнапа. Они, по его мнению, заключались в признании коррелятивности принятия языка и допущения соответствующих типов объектов, а также в различении внутренних и внешних вопросов существования (в чем он не усматривал никакого позитивизма). Но одновременно главный недостаток этой концепции он видел в том, Р. Карнап внешние вопросы существования объявил непознавательными. В. А. Смирнов был уверен, что коль скоро принятие того или иного языкового каркаса, хотя и несет в себе элемент выбора, в конечном счете определяется практическими соображениями, то последнее обстоятельство превращает внешние вопросы в познавательные.

В замечаниях на статью В. А. Смирнова нами, думается, справедливо указывалось, что для утверждения реального существования, вопреки мнению В. А. Смирнова, не требуется особый предикат [3: 60]. Дело в том, что В. А. Смирнов придерживался точки зрения, согласно которой во внутренних вопросах существования спрашивается о предметах мысли, а не о реальном существовании. Но ведь решение о признании или непризнании предметов мысли образами внешнего мира никак не связано с логической формой вопросов — оно целиком определяется философскими установками того, кто дает ответы на подобные вопросы. А любые вопросы существования, какие только могут прийти на ум философу, легко превратить во внутренние вопросы, идет ли речь о существовании некоторых элементов класса объектов (как в случае единорогов и черных лебедей в мире вещей) или же о существовании класса объектов («мира» вещей, «мира» натуральных чисел

и т. п.). Да и ответы на вопросы как первого, так и второго рода можно получить только в рамках избранной языковой системы. В частности, вопрос «существуют ли натуральные числа?» может быть поставлен в рамках каркаса действительных чисел, и в этом случае он будет таким же «внутренним» вопросом, как и вопрос о существовании черных лебедей. Таким образом, принципиальное для Р. Карнапа различие между «внутренними» и «внешними» вопросами существования оказывается зависящим от случайного факта выбора языка философом, интересующимся онтологическими проблемами.

С другой стороны, более чем сомнительным выглядит отождествление вопросов о существовании классов объектов с вопросами о принятии того или иного языкового каркаса в качестве инструмента исследования. Когда исследователь выбирает тот или иной язык для решения какой-либо задачи, его в первую очередь беспокоит его эффективность, и именно по этому критерию он старается выбирать наиболее подходящий ему язык. (В этом случае, действительно, как указывал Р. Карнап, речь идет о «степени» эффективности выбранного языка.) Но при этом исследователь менее всего бывает озабочен онтологией языка, тем, какие системы объектов он обязан принять в качестве существующих. Сошлемся, для примера, на один эпизод из истории создания модальной логики. В 1918 г. К. Льюис в своей книге [5] предложил модальное исчисление высказываний со строгой импликацией. В тот момент его беспокоило только одно: как избежать «парадоксов» материальной импликации, и совсем не интересовали онтологические (семантические) проблемы построения им логики. По-настоящему подобными вопросами заинтересовались в середине 1940-х годов — сперва Р. Карнап и У. Куайн, а с начала 1960-х годов — С. Крипке, Я. Хинтикка и др. И этот пример — не единственный. Так что вопросы о существовании (принятии) языкового каркаса в целом и систем объектов, как-то ассоциируемых с принятым языком, нередко задаются в науке с большим временным сдвигом и поэтому представляют собой скорее разные вопросы, чем один и тот же вопрос.

Таким образом, осуществляя логическую реконструкцию научных знаний, мы не обязаны придерживаться неопозитивистских установок. Однако что собой представляют «внутренние» вопросы существования и какие они предполагают ответы? В последние годы мы обратили внимание на то, что в философских рассуждениях о существовании фактически всегда речь идет об *известном* существовании, поскольку экзистенциальную информацию можно извлечь только из наличных знаний [4]. Чтобы расширить класс истинных экзистенциальных высказываний, следует отказаться от наивного представления о реальности. История философии сохранила нам два, можно сказать, радикальных понимания существования. Одно — «существование независимо от нашего сознания». Другое — «существование в качестве воспринимаемого». Ни одно из них нельзя признать удовлетворительным. Второе, отождествляющее существующее с тем, что воспринимается, некорректно уже

потому, что, с одной стороны, существуют невоспринимаемые (в силу ограниченности наших органов чувств) предметы и явления, а с другой – не все воспринимаемое (в частности видимое движение Солнца вокруг Земли) существует. Но и первое понимание, если вдуматься, вызывает вопросы. Как можно охарактеризовать в языке, являющемся продуктом сознания, существование чего-либо, никак не связанного с сознанием? Коль скоро существование не является предикатом (а это понял еще И. Кант), то в виде чего существует подобное *нечто*? Очевидно, только в виде носителя определенной совокупности дескриптивных предикатов языка. Но последнее обстоятельство делает существование подобных предметов зависимым от словарного запаса языка (скажем, в языке механики И. Ньютона нельзя ничего сказать о существовании электромагнитного поля, а как в таком случае И. Ньютон мог бы судить о его реальности или же нереальности?), а также от нашего *знания* того, какими дескриптивными характеристиками наделен соответствующий предмет. Сказанное означает, что более уместным было бы рассуждать об *известном* (или, в случае сомнения, *предполагаемом*) существовании, а все контексты существования считать модальными в смысле эпистемических модальностей.

В таком случае, любому высказыванию, характеризующему предмет мысли (т. е. экзистенциальному высказыванию), следовало бы, вообще говоря, предпосылать указание на источник знания (или мнения): «из чувственного опыта известно, что...» (когда строим высказывания об объектах нашего восприятия), «из естествознания известно, что...» (когда строим высказывания о природных объектах), «из математики известно, что...» (когда строим высказывания о математических объектах), «из истории известно, что...» (когда строим высказывания о делах давно минувших дней), «из моих фантазий известно, что...» (когда пытаемся охарактеризовать в словах «мир» собственных домыслов), «из мифологии (литературы) известно, что...» и т. д.

Сказанное приводит к тому, что понятия «существующего» и «не существующего» лишаются абсолютного смысла, попадая в зависимость от контекстов знаний или мнений. (И в этом смысле Р. Карнап был глубоко прав, когда говорил, что быть реальным, существовать – значит, быть элементом системы [1: 301]). Когда пишется учебник по физике или математике, подобный эпистемический контекст уже подразумевается названием учебника, и нет нужды задавать его перед каждым отдельным высказыванием. Открывая книгу по греческой мифологии, мы не нуждаемся в постоянном напоминании, что именно мы читаем. Но если в тексте рассуждения о происхождении Вселенной перемежаются математическими выкладками и экскурсами в мифологию или цитатами из богословской литературы, то явное указание контекстов становится обязательным.

В свете предлагаемого понимания существования известные расщепленные высказывания о нынешнем короле Франции являются лож-

ными не только потому, что королю нет места в политической системе современной Франции, его никто не видел, с ним никто не общался непосредственно или заочно, но еще и потому, что о нем отсутствует какое-либо упоминание в литературе (если, разумеется, не иметь в виду расселовскую теорию дескрипций). Но если завтра появится яркое литературное повествование о приключениях «нынешнего короля Франции», то в его контексте некоторые высказывания о короле, в том числе и экзистенциальные, будут такими же истинными, какими являются высказывания, повествующие о приключениях Алисы в Стране чудес, в частности о ее диалоге с Чеширским котом. Разумеется, различие между вымыслом и реальностью не стирается — оно сохраняется как различие эпистемических контекстов, источников знания.

Может возникнуть впечатление, что авторская концепция превращает высказывание о нынешнем короле Франции из ложного (как у Б. Рассела) в бессмысленное². Ведь без указания контекста использования высказывания ему нельзя дать истинностную оценку. Но в том то и дело, что Рассел использовал данное высказывание в контексте истории Франции XX в., а в этом контексте его вполне можно признать ложным. Хотя важнее другое — то, что в расселовской теории дескрипций невозможно объяснить истинность мифологем, таких, например, как «Пегас был пленен Белерофонтом». Контекст мифологии в расселовской экстенциональной теории индивидуальных дескрипций невозможно принять во внимание.

Также может возникнуть впечатление, что авторская концепция игнорирует проблему ограничения контекста³. Что может означать конструкция «из истории известно, что...»? Ведь в истории существуют конкурирующие концепции, авторы которых нередко радикально расходятся в признании существования тех или иных исторических событий⁴. В этой связи дескрипции, приписываемые определенной исторической личности или событию одним историком, не будут полностью соответствовать дескрипциям, приписываемым этому же событию или личности другими историками, а поскольку в соответствии с предлагаемой нами концепцией нечто существует только в виде носителя определенной совокупности дескриптивных предикатов, то в подобных случаях нельзя будет говорить, что подразумевается один и тот же предмет, а не два или более различных. Однако указанная трудность, во-первых, не имеет отношения к предлагаемой нами концепции, поскольку она не отвечает на вопрос, что именно существует, а только показывает, в какой форме нужно искать ответы на вопросы существования. Во-вторых, подобная трудность встречается на каждом шагу в любой области

² Замечание П. Куслия при знакомстве с рукописью данной статьи. — *Прим. автора.*

³ Там же.

⁴ Вспомним недавние споры о том, имело ли в истории место «Ледовое побоище» на Чудском озере. — *Прим. автора.*

науки, а не только в гражданской истории. Обратимся к физике. Сейчас в связи с запуском в Европе Большого адронного коллайдера одни физики рассчитывают обнаружить «первоматерию» в виде бозона Хиггса, а другие считают это бесполезным занятием. Поэтому о том, что существует, пусть договариваются между собой историки, физики и другие деятели науки, а задача аналитической философии – предложить для этих споров приемлемую логическую форму.

Подведем итоги. Р.Карнап, безусловно, был прав, когда выбор языка необходимым образом связывал с принятием объектов определенного вида. Наш язык, будь то естественный или искусственно сконструированный логический язык, обязательно несет онтологическую нагрузку, предполагает что-то существующим. Другое дело, что в естественном языке его онтологические допущения не заданы в явной форме, так что их можно вычленишь только в процессе логической реконструкции языка. Интерпретация экзистенциальных высказывания языка зависит от философских взглядов пользователя языком, но не от логической формы подобных высказываний. При этом излишне выделять какие-либо «внешние» вопросы существования, так как их легко превратить во «внутренние вопросы». А если интересующие нас вопросы в данном языке выглядят «внешними» – значит, мы просто неудачно выбрали язык для их обсуждения. И, конечно, выбор того или иного языка в качестве инструмента исследования философских проблем не бывает «истинным» или «ложным» – это всегда более или менее удачный выбор, т. е. оценка выбора должна осуществляться в понятиях степени эффективности. Только при этом не следует подобный выбор интерпретировать как обсуждение особых «внешних» вопросов существования. Наконец, «внутренние» вопросы существования лучше всего обсуждать в рамках языков эпистемической логики.

Литература

1. Карнап Р. Значение и необходимость. – М., 1959. С. 298–320.
2. Смирнов В. А. О достоинствах и ошибках одной логико-философской концепции // Философия марксизма и неопозитивизм. – М., 1963. С. 364–378.
3. Ледников Е. Е. Критический анализ номиналистических и платонистских тенденций в современной логике. – Киев, 1973. С. 56–70.
4. Ледников Е. Е. Существование и индивидуальные дескрипции // Логические исследования. 2002. Вып. 9. С. 113–118.
5. Lewis C. I. A survey of symbolic logic. – Berkeley, 1918.